

Я. С. Смирнова

ФОРМЫ СЕМЬИ У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В XIX и даже в начале XX в. у народов Северного Кавказа наряду с малой еще существовала большая семья. Она зафиксирована в это время у всех без исключения народов региона — от адыгейцев на западе до чеченцев на востоке¹. Значительно сложнее вопрос о степени ее сохранности, иначе говоря, о соотношении большой и малой семьи у отдельных народов и в различных местах их обитания. Этому вопросу и посвящено предлагаемое сообщение, в котором литературные сведения сопоставляются с полевыми данными, полученными автором у причерноморских адыгейцев, осетин и народов Карачаево-Черкесии.

Имеющиеся в нашем распоряжении литературные сведения, как правило, неоднозначны и противоречивы. Возьмем, например, адыгов. Как сообщает Т. Лапинский, в конце 1850-х годов он постоянно встречал у них семьи численностью не меньше 10, а почти всегда — больше 20 человек; средний размер семьи в 17 человек он считает скорее преуменьшенным, чем преувеличенным². По существу сходны оценки ряда позднейших, в том числе и советских, исследователей, сделанные ими на основе полевых этнографических материалов. По данным Е. Н. Студенецкой, у кабардинцев во второй половине XIX в. большинство семей жило нераздельно³; по сведениям Т. Т. Шиковой, у них же раздел большой семьи, как правило, происходил после смерти главы семьи⁴. Правомерно предположить, что перед нами явное преобладание большесемейной организации, но этому противоречат обобщенные и проанализированные В. К. Гардановым данные демографической статистики. По этим данным, уже в первой половине XIX в. средняя численность жителей адыгейского двора составляла от 5 до 8 человек, и лишь в качестве исключения встречались дворы, насчитывавшие более 8 человек⁵. Не менее противоречивы соответствующие сведения о других народах Северного Кавказа. Например, у осетин даже в 1880-х годах, по свидетельству С. В. Кокиева, раздел между братьями при жизни родителей был явлением редким и ненормальным⁶, а у чеченцев и ингушей, по

¹ Относительно полную сводку см.: М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы. М., 1961, с. 92—97.

² Th. Lapinski. Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen, В. I. Hamburg, 1863, S. 76.

³ Е. Н. Студенецкая. О большой семье у кабардинцев в XIX в.— «Сов. этнография», 1950, № 2, с. 176.

⁴ Т. Т. Шикова. Семья и семейный быт кабардинцев в прошлом и настоящем. Канд. дис.— Архив ин-та этнографии АН СССР, М., 1956, с. 102, 103.

⁵ В. К. Гарданов. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967, с. 41.

⁶ С. В. Кокиев. Записки о быте осетин.— «Сборник материалов по этнографии, издаваемый Дашковским этнографическим музеем» (далее — СМЭ), в. 1. М., 1885, с. 77.

Н. Н. Харузину, в тех же 1880-х годах женатые сыновья обыкновенно оставались жить при отце⁷. Между тем, согласно статистическим сведениям, уже в 1868 г. средний размер двора составлял у осетин 7,7, у ингушей 5,4, а у чеченцев 4,7 человека⁸. Наконец, исследовательница ногайской семьи С. Ш. Гаджиева прямо указывает, что статистические данные посемейных списков за 1897 г. решительно противоречат сообщениям информаторов о широком, даже преобладающем распространении больших семей в предреволюционное время⁹.

Казалось бы, что при таком разительном несоответствии нарративных и статистических данных следовало бы отдать предпочтение точным сведениям демографической статистики и придти к заключению, что уже в первой половине XIX в. большая семья была редким (хотя и ярким, а потому так настойчиво подчеркиваемым наблюдателями и информаторами) этнографическим фактом. Но, как справедливо отметил Б. А. Калоев, столкнувшись с подобной же статистико-нарративной контроверзой на осетинском материале 1880-х годов, количественные данные также требуют критического подхода и собственно этнографических коррективов. По его мнению, горцы преуменьшали численный состав своих семей, чтобы снизить размеры подати¹⁰. С этим, однако, нельзя согласиться. Введенные вскоре после окончания Кавказской войны государственные налоги были не подушными, а подымными. Скорее играл роль другой фактор — подымное землепользование, которое могло побуждать не только к реальному (на что правильно обращает внимание Б. Б. Хубиев¹¹), но и фиктивному разделу больших семей. Но значение этого фактора также не следует переоценивать. Ведь сама сельская община противилась невыгодному для других общинников реальному разделу семей, а стало быть, тем более не допускала сколько-нибудь широкой практики фиктивных разделов.

Может быть, на средних числах сказалось наличие как очень мало-численных, так и, следовательно, очень многочисленных, обладающих большесемейной структурой дворов? Это не могло не иметь места, но лишь в самой ничтожной степени. Хорошо известно, что единоличное крестьянское хозяйство по самой своей природе не допускало ни бездетных, ни даже малодетных семей. «Без трех сыновей нет семьи», — говорили по этому поводу адыгейцы.

Более правдоподобным представляется допущение, что приведенные статистические выкладки, если не всегда, то во многих случаях отражают такое переходное, распадное состояние семейных общин, при котором составлявшие их семейные ячейки рассматривались как отдельные, самостоятельные дворы. Сделав такое допущение, мы попытались получить у наших информаторов четкие сведения о соотношении семейного и домашнего циклов, т. е., с одной стороны, о разрастании, почковании и новом разрастании семей, а с другой — о сопутствующих этой динамике изменениях в имущественных отношениях. Результат оказался малоудовлетворительным. Почти ни одно сообщение о былой большесемейной общности не сопровождалось сколько-нибудь отчетливой исторической реконструкцией совместной или раздельной собственности на землю, сельскохозяйственный инвентарь, скот.

⁷ Н. Н. Харузин. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. — СМЭ, в. III. М., 1888, с. 122, 123.

⁸ «Статистические сведения о кавказских горах, состоящих в военно-народном управлении». — «Сборник сведений о кавказских горах», в. 1, отд. VIII. Тифлис, 1868, с. 6, 7.

⁹ С. Ш. Гаджиева. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX — начало XX в. М., 1979, с. 21, 22.

¹⁰ Б. А. Калоев. Осетины: Историко-этнографическое исследование. М., 1971, с. 203—204.

¹¹ Б. Б. Хубиев. Культура и быт кабардинцев сельских поселений различного типа. Канд. дис. Архив Ин-та этнографии АН СССР. М., 1978, с. 90.

Это в свою очередь наводит на мысль, что критического подхода требуют не только статистические, но и собственно этнографические данные. Оценивая постоянно встречающиеся литературные и полевые сообщения о том, что женатые сыновья продолжали жить с родителями до их смерти, не следует забывать, что даже в 1890-х годах средняя продолжительность жизни в России (отражавшая, правда, и детскую смертность) составляла только 32 года¹². На Северном Кавказе как на одной из отсталых — в том числе и в отношении народного здравоохранения — окраин Российской империи она была и того меньше. Следовательно, в большинстве случаев такое совместное проживание не могло продолжаться длительное время. Но еще важнее другое. Из сообщений о совместном, нераздельном и т. п. проживании женатых сыновей с родителями или братьев друг с другом далеко не всегда достаточно хорошо видна степень нераздельности большесемейных образований. Здесь мы снова сталкиваемся с неисследованностью распадного состояния больших семей, о чем подробнее будет сказано дальше.

Значительно лучше, чем о количественном соотношении больших и малых семей, позволяют судить имеющиеся данные о некоторых общих тенденциях развития семейной организации и ее особенностях у отдельных народов и групп населения Северного Кавказа.

Известно, что в классовых обществах большесемейная община сохраняется главным образом лишь в условиях господства или преобладания натурального хозяйства, а по мере развития товарно-денежных отношений доминирующее значение приобретает малая семья. На Северном Кавказе разложение натурального хозяйства происходило уже в дореформенное время и значительно ускорилось после крестьянской реформы. Именно теперь, как писал В. И. Ленин, русский капитализм стал тягивать этот край в мировое товарное обращение и нивелировать его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости. Вместе с тем в сложных природных и исторических условиях края этот процесс шел неравномерно, на что также указывал В. И. Ленин, отметив на рубеже века незаконченность экономического завоевания Кавказа Россией¹³. В частности, в горных районах Северного Кавказа — в Карачае, в Балкарии, в нагорной части Осетии, Чечни и Ингушетии — натуральное хозяйство несколько меньше подверглось влиянию капиталистических отношений, чем в более развитых равнинных районах. Понятно, что это не могло не сказаться на характере семейных отношений в горах и на равнине.

Известно также, что сохранности большесемейной организации (как и вообще родственных и общинных структур) способствует стабильность расселения, длительность проживания на одном месте. Между тем на Северном Кавказе на протяжении всего XIX в. продолжался начавшийся еще раньше и значительно усилившийся с 1860-х годов процесс переселения с гор на равнину¹⁴. В наибольшей степени он охватил осетин, в наименьшей — карачаевцев и балкарцев. Переселения почти всегда совершались малыми семьями, и, хотя со временем какая-то часть последних вновь разрасталась в большие семьи, в целом этот процесс привел к известному различию семейной организации в горных и равнинных районах.

Еще одним показателем различия семейной организации в горах и на равнине была неодинаковая степень обеспеченности землей. Так, у осетин горного Дагомского прихода, по словам А. Скачкова, именно

¹² Б. Ц. Урланис. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963, с. 104.

¹³ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России.— В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594, 595.

¹⁴ Н. Г. Волкова. О переселении с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII—XIX вв.— «Сов. этнография», 1971, № 2, с. 38—47; *её же*. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974.

страх перед разорением был тем цементом, который скреплял дворы и удерживал их от разделов¹⁵. Правда, как показывает наша полевая информация, то же малоземелье в ряде случаев консервировало большесемейную организацию и в равнинных районах. Но здесь оно сказывалось все же заметно меньше: ведь само переселение с гор на равнину было вызвано в первую очередь именно нехваткой земли.

Некоторое представление о соотношении большой и малой семьи в горах и на равнине в конце XIX — начале XX в. дают следующие цифровые показатели. В 1880-х годах в Мухолском обществе горной Балкарии имелось 15%, а в Санибанском обществе горной Осетии — более 22% семей, насчитывающих свыше 15 человек¹⁶. Еще более высокую долю больших семей применительно к началу XX в. указывает для ряда балкарских обществ А. И. Мусукаев (около 40%)¹⁷, а для Дагомского прихода Осетии А. Скачков (95%)¹⁸. В то же время уже в 1886 г. в 12 равнинных селениях Адыгеи имелось лишь 8,5%¹⁹, а в 24 равнинных селениях Чечено-Ингушетии — лишь 3,5%²⁰ семей численностью свыше 10 человек. При всей условности этих данных, о чем говорилось выше, они, видимо, позволяют считать, что к началу XX в. большесемейная организация в той или иной степени сохранилась только у карачаевцев и балкарцев, а у других народов региона — главным образом в среде еще не переселившегося в равнинные районы населения. Что касается жителей этих равнинных районов, то можно считать установленным, что у них уже во второй половине XIX в., если не еще раньше, преобладали малые семьи.

Но это — решение вопроса лишь в первом приближении. В условиях того переходного состояния, в котором находилась семейная организация значительной части коренного населения Северного Кавказа в XIX — начале XX в., сколько-нибудь типичная большая и малая семья были не единственными, а лишь начальной и конечной формами развития. Лежащие между ними промежуточные формы, будучи временными и нестабильными, не привлекли к себе особого внимания этнографов и только с трудом могут быть извлечены из памяти информаторов. А между тем их нельзя сбрасывать со счетов при характеристике семейной организации.

В 1974 и 1975 гг., собирая среди карачаевцев и осетин сведения о происходивших в прошлом разделах больших семей, мы столкнулись с ответами, показавшимися нам тогда противоречивыми и не представляющими научной ценности. По словам одних информаторов, разделившиеся родственники вели раздельное хозяйство, по словам других, продолжали хозяйствовать сообща; некоторые же утверждали, что новые семьи по-прежнему совместно владели землей и важнейшим земледельческим инвентарем. Однако сходные сообщения получили мы в 1977 г. от нескольких информаторов-адыгейцев: делились, говорили они, чтобы женщины не ссорились из-за домашнего хозяйства, а мужчины все равно работали вместе. В отдельных случаях информаторами назывались подобного рода «не совсем» распавшиеся семьи. Ряд аналогичных указаний на промежуточную форму семьи, хотя и без прямого различения такой формы, имеется также в новейшей литературе по отдельным на-

¹⁵ А. Скачков. Опыт статистического исследования горного уголка (Экономический очерк). — «Терские ведомости». Владикавказ, 1905, № 219.

¹⁶ Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР, ф. 32, оп. 1, д. 233, л. 4, 5, 8, 154, 155.

¹⁷ А. И. Мусукаев. Из прошлого незабытого (К вопросу изучения этнографии дореволюционной Балкарии). Нальчик, 1975, с. 18—20.

¹⁸ А. Скачков. Указ. раб., № 221.

¹⁹ «Очерки истории Адыгеи», т. I. Майкоп, 1957, с. 461.

²⁰ Н. П. Гриценко. К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период. — «Изв. Чечено-Ингушского научного исслед. ин-та истории, языка и литературы», т. V, в. I. Грозный, 1964, с. 10—11.

родам Северного Кавказа. Так, Х. М. Думанов приводит следующую относящуюся к концу XIX в. жалобу 12 жителей кабардинского селения Кошероково: «Уже пять или шесть лет как мы отделились от своих братьев. В продолжении всего этого времени мы все не имели отдельного участка земли, между тем все платим подати и служим также, как и каждый односелец». Жалоба была направлена на рассмотрение сельского схода, отклонившего ее, чтобы не допустить уменьшения наделов²¹. Вообще, по данным того же автора, основанным главным образом на архивных материалах, у кабардинцев во второй половине XIX — начале XX в. при семейных разделах в большинстве случаев делилась не земля, а собранный с нее урожай. По сведениям М. А. Меретукова, у всех адыгов новообразованные малые семьи не только продолжали жить на одной усадьбе, но и первое время сохраняли остатки групповой собственности, а глава прежней семейной общины, если он был жив, удерживал некоторую власть над членами новых семей²². Сходная ситуация зафиксирована А. И. Мусукаевым в Балкарии, где нередко наблюдалось, что после разделов малые семьи в течение нескольких лет жили в одном дворе и вели совместное хозяйство до тех пор, пока не получали материальную возможность разделиться реально²³. То же сообщает Б. А. Калоев об осетинах: если между братьями сохранялись хорошие отношения, они и после раздела продолжали совместно владеть пахотными и сенокосными участками, мельницей и другими хозяйственными постройками, а в горах — и отцовским домом, который делили на отдельные ячейки²⁴. Подобная же, впрочем, несколько противоречивая картина, по мнению Н. П. Гриценко, имела место у чеченцев и ингушей. «Если более пристально приглядеться к „большим семьям“, то они не представляли единой ячейки в полном смысле этого слова. Обычно в одном дворе находилось 2—3 дома, в которых по сути дела жили 2—3 самостоятельных семьи. Юридически они считались одной семьей для того, чтобы не дробить накопленного богатства — скота, земли и пр.»²⁵.

Все эти примеры важны в том отношении, что они четко показывают несоответствие семейного и домашнего циклов, а это, в свою очередь, до крайности затрудняет определение самого типа семьи. В самом деле, и большая, и малая семья являются одновременно и локализованными, и экономическими общностями ближайших родственников и свойственников; приведенные же факты говорят о расхождении этих характеристик. С одной стороны — сегментация, раздел, нарушение строгого локального единства, с другой — более или менее выраженное сохранение экономической целостности. Перед нами семьи не большие и не малые: это семьи переходного типа.

Промежуточные формы семейной организации у народов Северного Кавказа не стали предметом специального теоретического осмысления или, точнее говоря, стали им лишь в той мере, в какой это касалось исторических типов одной только большой семьи. Как известно, М. О. Косвеню были выделены две формы этой последней: демократическая с коллективной собственностью, производством и потреблением и деспотическая, или отцовская, с присущей ей тенденцией главы семьи стать неограниченным собственником и домовладыкой²⁶. Другие исследователи семейной организации народов Северокавказского региона, как правило, не пошли дальше или же предложили свои уточнения или

²¹ Х. М. Думанов. Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX — начало XX в.). Нальчик, 1976, с. 73.

²² М. А. Меретуков. Семейная община у адыгов. — «Уч. зап. Адыгейского научно-исслед. ин-та», т. XI. Майкоп, 1970, с. 265—266.

²³ А. И. Мусукаев. Указ. раб., с. 21.

²⁴ Б. А. Калоев. Указ. раб., с. 209.

²⁵ Н. П. Гриценко. Указ. раб., с. 11.

²⁶ М. О. Косвеню. Указ. раб., с. 102, 103.

вариации в пределах той же большесемейной темы. Так, А. Х. Магомедов, следуя выдвинутой Ю. В. Бромлеем концепции братской семьи²⁷, определил осетинскую семейную общину не просто как демократическую, а как братскую²⁸; А. И. Мусукаев обозначил демократическую и деспотическую формы соответственно как семейную общину и большую семью²⁹.

Более продуктивным вообще и для рассматриваемой здесь проблемы в частности представляется общий принцип классификации, предложенный Д. А. Ольдерогге. Отметив уязвимость критерия М. О. Косвена, так как и демократический и деспотический характер власти в семье обратимы, он выдвинул совершенно иной критерий, а именно степень локализации и экономической интеграции, и выделил следующие типы: 1 — совместное проживание и общая собственность всей семейной общины; 2 — совместное проживание и сочетание общей собственности семейной общины с обособленной собственностью слагающих ее семейных очагов; 3 — совместное проживание и сочетание обособленной собственности с остатками общей; 4 — раздельные проживания и собственность при сохранении связи преимущественно лишь в общих обрядах культа предков³⁰. По Д. А. Ольдерогге, все это — последовательные исторические типы большой семьи; однако представляется очевидным, что если два первых типа действительно характеризуют формы большесемейной организации, то два последних скорее могут быть отнесены к формам слагающейся или сложившейся малой семьи³¹. Кроме того, в последнем, четвертом типе остаточная связь между уже сложившимися малыми семьями может сказываться не только и даже не столько в общих обрядах, сколько в сохранении известной власти главы разделившейся семьи.

С этими коррективами предложенная Д. А. Ольдерогге классификация может быть использована как общая типология форм перехода от большесемейной к малосемейной организации, применимая, в частности, и к народам Северокавказского региона. Во всяком случае она, во-первых, в общих чертах соответствует приведенным выше фактам промежуточного состояния семейной организации у народов Северного Кавказа, а во-вторых, в значительной степени объясняет то разительное несоответствие статистических и нарративных данных о соотношении большой и малой семьи, о котором говорилось выше.

²⁷ Ю. В. Бромлей. Ф. Энгельс и проблемы архаической формы семейной общины.— «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса». М., 1972, с. 162—175.

²⁸ А. Х. Магомедов. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1974, с. 161.

²⁹ А. И. Мусукаев. Указ. раб., с. 20.

³⁰ Д. А. Ольдерогге. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин.— «Социальная организация народов Азии и Африки». М., 1975, с. 15.

³¹ А. И. Першиц. Проблема типологизации общины в дореволюционной русской и советской этнографии.— «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», в. VIII. М., 1978, с. 150.